

## Конструирование «гибридной войны» в западном информационном пространстве: основные стадии и субъекты

Владимир С. Царик

*Международный юридический институт, Москва, Россия  
ussura-moskva@yandex.ru*

*Аннотация.* В статье представлен анализ процесса конструирования «гибридной войны» как политического дискурса в западном информационном пространстве в ходе его утверждения в 2014 г. Используя дискурсивный анализ и метод отслеживания процесса (*process-tracing*), автор выявляет основных акторов действия, восстанавливает последовательность событий в ходе становления и развития дискурса о «гибридной войне» и анализирует его смысловые трансформации с учетом интересов продвигающих его акторов. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы: 1) дискурс о «гибридной войне» РФ против Запада был сформулирован весной 2014 г. для обоснования украинского нарратива о «российской агрессии на Украине» и закрепления конфронтационного характера отношений между Западом и Россией; 2) основную роль в запуске и первичном распространении этого дискурса сыграли представители негосударственных аналитических структур стран Балтии, Польши, Украины, Великобритании, а в его формализации на международном уровне – официальные лица и структуры НАТО; 3) в концептуальном отношении дискурс о «гибридной войне», объединяя в единое целое конвенциональные, иррегулярные и информационные средства ведения войны, способствовал «этатизации» нетрадиционных угроз безопасности, «милитаризации» «мягкой силы» и криминализации «обычных» методов межгосударственной конкуренции.

*Ключевые слова:* «гибридная война», дискурс, Россия, Запад, Украина, НАТО, кризис, информационное пространство

*Для цитирования:* Царик В.С. Конструирование «гибридной войны» в западном информационном пространстве: основные стадии и субъекты // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 20–34. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-20-34

## The “hybrid war” constructing in Western media space. Main stages and actors

Vladimir S. Tsarik

*International Law Institute, Moscow, Russia, ussura-moskva@yandex.ru*

*Abstract.* The article analyzes a process of the ‘hybrid war’ constructing as a political discourse in Western media space at the initial stages of its formation and promotion in 2014. Using the discourse analysis and process-tracing methods, the author detects principal actors involved in the process, reconstructs the sequence of events in the course of establishing and elaborating the ‘hybrid war’ discourse and analyzes transformation of meanings of that discourse proceeding from interests of actors involved into its elaboration. The analysis presented in the article led to the following conclusions: 1) discourse about Russia’s ‘hybrid war’ against the West was formulated in the spring of 2014 for substantiation of Ukrainian narrative on ‘Russian aggression in Ukraine’ and consolidation of the confrontational nature of relations between the West and Russia; 2) at the initial stage of discourse elaboration and dissemination the key role in this process was performed by representatives of non-governmental analytical institutions of the Baltic States, Poland, Ukraine and Great Britain, and in its formalization at the international level – the NATO official representatives and institutions; 3) in conceptual respect the ‘hybrid war’ discourse, combining into a single whole the conventional, irregular and information warfare, facilitated ‘*étatisation*’ of non-traditional security threats, “militarizing” the “soft power” and criminalizing the conventional ways of inter-state competition.

*Keywords:* “hybrid war”, discourse, Russia, the West, Ukraine, NATO, crisis, media space

*For citation:* Tsarik, V.S. (2020), “The ‘hybrid war’ constructing in Western media space. Main stages and actors”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 20-34, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-20-34

### *Введение*

Становление конфронтационного курса коллективного Запада в отношении России в последние четыре года непосредственным образом связано с продвижением дискурса о так называемой «гибридной войне», которую якобы ведет наша страна со всем «свободным миром». Сегодня данный дискурс является одной из базовых идейных основ, подпитывающих конфронтационную риторику и конфронтационное мышление западных государств и институтов

в отношении России, обеспечивающих легитимизацию курса на всемерное сдерживание и противодействие российской политике в различных сферах общественной жизни и позволяющих стигматизировать Россию как опасного и непредсказуемого врага, несущего экзистенциальную угрозу западному сообществу и другим соседям [Dayspring 2016, p. 26–27]. За сравнительно короткий срок «гибридная война» прошла путь от заурядной аналитической категории до неоспоримой политической константы, устойчивого элемента западного политического пространства и критерия его смысловой структуризации [Limonier, Gérard 2017, p. 162]. Термины «гибридная война» и «гибридная угроза» инкорпорированы в лексикон официальных программных документов ряда ведущих мировых государств как мотивационные обстоятельства, обосновывающие необходимость в принятии ряда специальных мер в сфере безопасности и внешней политики.

При всем обилии публикаций, раскрывающих суть данного феномена как реального факта современной политической жизни, вопрос о причинах и механизмах продвижения «гибридной войны» как политического дискурса со своими задачами и функциями, в мировой и отечественной науке до сих пор не выступал предметом активных исследований. Отдельные российские и западные эксперты указывали на то, что «гибридная война» является скорее политическим ярлыком [Сазонова 2017; Kofman, Rojansky 2015], пропагандистским конструктом [Трапезникова, Батулин 2017, с. 50], нежели полноценной научной категорией, что его появление и внедрение в научный и политический лексикон имеет идеологическую детерминацию [Белозеров, Соловьев 2015, с. 9] и направлено прежде всего на стигматизацию России как актора на международной арене после кризиса вокруг Украины в 2014 г. Однако в причины использования и методы распространения этого ярлыка при наличии целого диапазона альтернативных описательных категорий они не углублялись.

В данной работе представлен анализ процесса конструирования «гибридной войны» как политического дискурса в западном информационном пространстве на начальных стадиях его утверждения и продвижения в 2014 г. Выявлены основные акторы, участвовавшие в этом процессе, и политические задачи, решению которых служил дискурс о «гибридной войне» в сложившемся международном контексте.

### *Кризис 2014 года и формирование дискурса о «гибридной войне»*

Возникший в недрах американской военно-стратегической мысли в 2000-х гг. в контексте изучения нетрадиционных конфликтов и изменения характера войн в современную эпоху [Цыганков 2015; Fridman 2018, p. 30–46], термин «гибридная война» долгое время не находил применения за пределами этой узкоспециализированной тематики. Однако начало украинского кризиса в 2013 г. спровоцировало нарастание в дискурсивных отношениях России и Запада «конфликта интерпретаций» разворачивающихся событий вместо уже традиционной к тому времени легалистской полемики по международным вопросам. Этот конфликт приобрел не только сугубо пропагандистское, но политическое и правовое значение, так как был напрямую связан с оценкой законности и легитимности нового украинского правительства, пришедшего к власти в результате вооруженного переворота в Киеве.

Новое руководство Украины, а также наиболее антироссийская часть западного истеблишмента в этот период оказались заинтересованы в использовании сложившегося положения для предотвращения компромисса между Западом и Россией путем упрочения конфронтационного характера отношений. В рамках этой деятельности, с одной стороны, создавался нарратив о заведомо преступных агрессивных замыслах России в отношении Украины, с помощью которого любое сопротивление новому руководству Украины и даже словесные протесты против его прозападного политического курса были представлены продуктом только лишь подрывных действий российских агентов, а не реально обоснованным недовольством местных граждан. С одной стороны, он формировал научно-образное теоретическое обоснование продвигаемого упомянутыми силами нарратива о «российской агрессии», который противопоставлялся российскому нарративу о «гражданской войне» и «внутриукраинском конфликте», а с другой – предоставлял аргументы для преодоления тех правовых противоречий, которые возникали вследствие вооруженного переворота в Киеве и дальнейших действий нового украинского руководства.

На начальной стадии ведущую роль в формировании данного дискурса сыграли неправительственные аналитические структуры Прибалтики, Польши, Голландии, Великобритании и Украины. Их усилиями уже в марте 2014 г. были учреждены специальные сайты и сети волонтеров, осуществляющих мониторинг информационного пространства на предмет выявления «антиукраинской пропаганды» и «российских фейков».

Первое обстоятельное упоминание «войн нового поколения» в контексте украинских событий встречается, по нашим данным, в работе латышского аналитика Я. Берзиньша, опубликованной 25 апреля 2014 г. [Bērziņš 2014]. Ссылаясь на выступление начальника Генерального штаба РФ В. Герасимова в феврале 2013 г. [Герасимов 2013], Берзиньш говорит, что современное российское понимание стратегии основано на большой роли информационной и психологической войны, которая позволяет усилить превосходство через морально-психологическое подавление вооруженных сил и гражданского населения противника. Это позволит минимизировать использование собственных вооруженных сил, прибегая к поддержке военных и гражданских атакуемой страны, которые должны выступить против своей собственной страны и правительства. Война становится перманентной, без четко выделенного начала и конца, со стороны России она направлена против западной цивилизации, западных ценностей, культуры, политической системы и идеологии.

На следующий день, 26 апреля 2014 г., Радио Свобода разместило интервью отставного генерала Ф. ван Каппена<sup>1</sup>, члена верхней палаты парламента Нидерландов. В нем прямо используется термин «гибридная война», но акцент сделан на применении Россией незаконных вооруженных групп на территории Украины вместо открытого применения армии, а также высказывается опасение, что аналогичные методы Путин может использовать для захвата территории некоторых государств–членов НАТО без открытого ввода войск.

Это интервью только на русском языке было перепечатано более сотни раз в различных СМИ и блогах, и термин тут же вошел в широкий оборот. Так, 29 апреля 2014 г. в украинском сетевом издании обсуждается использование Путиным химического оружия в «гибридной войне против Украины», 30 апреля 2014 г. тезис о ведущейся против Украины гибридной войне подхватывает отставной генерал СБУ А. Скипальский. И уже 13 мая 2014 г. польский публицист Л. Вуйчик<sup>2</sup>, соединив подходы Берзиньша и ван Каппена, изложил в качестве российской методики «гибридной войны» не только использование «прокси-сил» (местных агентов влияния и боевиков, не принадлежащих формально к Вооруженным силам или спецслужбам РФ, но действующих в направлении, продикто-

---

<sup>1</sup> Корниенко С. Пиджак рвется по шву // Радио Свобода. 26.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/25362031.html> (дата обращения 1 июля 2020).

<sup>2</sup> Вуйчик Л. Украинская гибридная война // ИноСМИ. 15.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/sngbaltia/20140515/220303215.html> (дата обращения 1 июля 2020).

ванном руководством РФ), но и широкий спектр операций из статьи Берзиньша. Вслед за этим, 22 мая 2014 г., выходит явно пропагандистская статья польской исследовательницы И. Даржевской об информационной войне, которую вела РФ против Украины в ходе крымской операции, используемых Россией идеологемах и культивируемых программах [Darczewska 2014].

### *Концептуальные инновации дискурса о «гибридной войне»*

Из данного обзора становится понятно, что дискурс о «гибридной войне» сформировался в ходе осмысления роли неопознанных вооруженных формирований пророссийской направленности в Крыму и на Донбассе, с одной стороны, и значения информационных методов воздействия – с другой. Слияние трех компонентов – конвенционального конфликта, иррегулярных методов сопротивления и информационно-пропагандистского воздействия – в едином понятии с ключевым семантическим и смысловым маркером «война» и заложило основу данного дискурса, обусловив ряд его концептуальных инноваций.

Во-первых, формулирующие его авторы во многом абстрагируются от существующих теоретических наработок по этой теме и основывают свои заключения на примере одних только событий в Крыму и на Донбассе, представляют их чуть ли не первым историческим примером «гибридной войны» и искусственно гиперболизируют их беспрецедентность и уникальность для современного мира. Между действиями России весной 2014 г. и термином «гибридная война» был поставлен смысловой знак равенства, а вопрос, насколько эти действия соответствуют ранее сформулированной теории, вообще не поднимался.

Во-вторых, дискурс о «гибридной войне» позволял произвести «огосударствление», «этатизацию» нетрадиционных угроз, ассоциируемых до этого преимущественно с негосударственными акторами, и спроецировать на них те же способы противодействия, которые применяются в случае противостояния между государствами. Соответственно, и сама «гибридная война» из формы асимметричного конфликта превратилась в форму межгосударственного противостояния, ведущегося без формального оглашения неявными, опосредствованными методами. То, что в работах американских военных стратегов (см., напр., обзор [Fridman 2018]) рассматривалось как гипотетическая возможность, в статьях польских и прибалтийских аналитиков представлялось как политический факт. Тем самым

априори нивелировалась не только субъектность тех структур, которые озвучивали позицию условно «антимайданной» части населения Украины, но и тех, которые могли поддерживать или сочувствовать этой позиции. Их политические цели отбрасывались как не имеющие значения, поскольку их действия якобы подчинены исключительно целям «гибридной войны» РФ против Запада.

В-третьих, благодаря подобному терминологическому слиянию происходила своего рода «милитаризация» «мягкой силы», превращение ее из инструмента межгосударственной конкуренции в инструмент подрыва устойчивости противника, попросту говоря, в оружие [Dayspring 2016, p. 20], а следовательно, в прямую угрозу государственной безопасности, требующую соразмерных мер упреждения и противодействия. Разумеется, понятия информационной угрозы и информационной безопасности давно вошли в политический лексикон, о чем свидетельствует наличие собственной доктрины или стратегии информационной безопасности у многих государств, но введение в публичное пространство понятия «гибридная война» значительно понижало «порог чувствительности» к подобным угрозам и, фактически, означало секьюритизацию информационного пространства.

В-четвертых, в новом политическом контексте термин «гибридная война» обозначал уже не «кинетические действия» (этим термином западные авторы называют «обычные» передвижения войск и боевые столкновения), а попытки разрушить правительственные структуры и институты, ослабить национальное единство, в том числе через применение фейковых новостных сообщений, кибератак и т. д. В такой трактовке «гибридная война» приобретала практически тотальный характер, охватывала все сферы общественной жизни и исходила из задействования в ходе подрывных операций широкого круга средств и акторов, не имеющих прямой правовой связи с государством-противником.

При этом термину «гибридная война» намеренно придавалась эмоционально негативная констатация как феномену, носящему безнравственный, противозаконный, вероломный характер, присутствующему исключительно «недемократичным режимам» и не соотносимому с действиями «нормальных» стран [Арчаков, Пунченко, Ременчик 2017]. Как указывает В.Н. Порывкин,

...по своей сути «гибридная война», как явление международной жизни, в отличие от войны «классической», стало восприниматься, прежде всего, как война «бесчестная», безнравственная, «подлая», «из-за угла», вне исторически и юридически установленных ранее норм и правил ведения войны [Порывкин 2017].

Подобная негативная коннотация не только формировала соответствующее психоэмоциональное восприятие феномена у целевой аудитории, но и делала допустимым применение в отношении противника по «гибридной войне» инструментов, выходящих за рамки общепринятого военно-политического инструментария.

В концептуальном отношении итогом подобной интерпретации категории «гибридной войны» стали множественное расширение оперативно-стратегического поля конфликтных действий, включающее расширение круга реальных или потенциальных участников конфликта (вплоть до ликвидации разделения между комбатантами и некомбатантами), расширение сфер и театров оперативных действий и расширение диапазона допустимых к применению средств поражения противника.

Также уже на ранней стадии в дискурс о «гибридной войне» закладывается ряд манипуляционных приемов, соответствующих решаемым его авторами политическим задачам, на которых будет строиться его дальнейшее развитие и политическое использование. Это касается, прежде всего, конструирования «недостающих» элементов политической мотивации и стратегического потенциала России, доказывающих наличие у российского руководства готовности и способности вести «гибридную войну» против Запада и либерального миропорядка. Для этого используются академические или публицистические работы российских авторов, обладающих официальным статусом или выступающих сугубо в личном качестве, отдельные тезисы которых или специфическая их интерпретация приводятся как обоснование политической воли Москвы к оказанию разрушительного влияния на западное сообщество с помощью «гибридных» методов.

Ключевым подобным элементом стала так называемая «доктрина Герасимова», олицетворяющая наличие у России не только агрессивных планов в отношении Запада, но и готовой стратегии их реализации. Уже в статье Берзиньша доклад Герасимова и излагающая похожие идеи статья других российских стратегов С. Чекинова и С. Богданова [Чекинов, Богданов 2013] преподносятся как изложение планов России против сопредельных стран. И если Берзиньш не утверждает этого прямо, подводя читателя к такому выводу рассуждениями о российском подходе к современным войнам, то в последовавших публикациях стратегия «гибридной войны» в описанном формате прямо называется «доктриной Герасимова» на основе единственного публичного выступления В. Герасимова за год до украинских событий, трактуемого как неоспоримое доказательство того, что Россия вынашивала агрессивные замыслы до начала кризиса. При таком подходе даже прямое указание в упо-

мянутых первоисточниках, что в них рассматриваются стратегии, примененные странами НАТО против третьих стран, не принимаются во внимание<sup>3</sup>.

### *Продвижение дискурса о «гибридной войне» на международном уровне: центральная роль НАТО*

По мере распространения дискурса о «гибридной войне» в академической среде он подхватывается политическими деятелями и официальными лицами Украины. 20 мая 2014 г. заявление о проведении Россией «гибридной войны» в интервью изданию *Financial Times* после встречи с рабочей группой НАТО сделал и.о. секретаря СНБО Украины А. Парубий<sup>4</sup>. 14 июня 2014 г. об этом заявил глава СБУ В. Наливайченко<sup>5</sup>.

Летом 2014 г. продвижение дискурса о «гибридной войне» вышло на международный уровень. Однако при этом основную роль в его продвижении продолжали играть негосударственные институты и представители экспертного сообщества. Так, 31 мая 2014 г. на заседании Парламентской ассамблеи НАТО с докладом о сути ведущейся Россией «гибридной войны» выступил сотрудник вашингтонского института Катона, экс-советник президента РФ А. Илларионов<sup>6</sup>. Именно в его докладе был задан базовый, эталонный набор тезисов, которые в дальнейшем будут ассоциироваться с понятием «гибридная война». Ключевыми новациями дискурса о «гибридной войне» на этой стадии стали, во-первых, его ретроспек-

---

<sup>3</sup> См.: например: *Galeotti M.* The “Gerasimov doctrine” and Russian Non-Linear War // In *Moscow’s shadows*. 06.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://inmoscowsshadows.wordpress.com/2014/07/06/the-gerasimov-doctrine-and-russian-non-linear-war/> (дата обращения 1 июля 2020).

<sup>4</sup> Parubiy says Russia’s ‘hybrid war’ against Ukraine shows need to reform defense sector, NATO ready to help // *Kyiv Post*. 20.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kyivpost.com/article/content/war-against-ukraine/parubiy-says-russias-hybrid-war-against-ukraine-shows-need-to-reform-defense-sector-nato-ready-to-help-348538.html?cn-reloaded=1> (дата обращения 1 июля 2020).

<sup>5</sup> Nalyvaichenko: Russia making ‘hybrid war’ against Ukraine // *Kyiv Post*. 14.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kyivpost.com/article/content/war-against-ukraine/nalyvaichenko-russia-making-hybrid-war-against-ukraine-351866.html> (дата обращения 1 июля 2020).

<sup>6</sup> *Illarionov A.* Speech at NATO Parliamentary Assembly. Committee on Economics and Security. Washington DC, USA. 31.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://aillarionov.livejournal.com/696630.html> (дата обращения 1 июля 2020).

тивная проекция на политику Москвы в постбиполярный и биполярный период, призванная доказать имманентность мышления в духе «гибридной войны» для российского руководства, а во-вторых, построение образа России как извечного стратегического врага, а не ситуативного противника и партнера Запада, чьи намерения неизменно были и остаются враждебными вне зависимости от тех или иных кооперативных инициатив или шагов. Как видно из выступления Илларионова, причинами такой имманентной враждебности России назывались особенности ее геополитического положения, характер политического режима или качества русской идентичности и социокультурных черт русского народа. Трибуна Парламентской ассамблеи НАТО позволяла делать заявления лицам, не имеющим официального статуса, но была достаточно представительной для того, чтобы сделанные на ней заявления получили, как минимум, медийную огласку<sup>7</sup>.

По медийным каналам продолжалось тиражирование идеи «гибридной войны» в геополитическом ее преломлении. 27 июня 2014 г. на Радио Свобода появился подкаст с участием М. Галеотти под названием «Гибридная война и новая «большая игра» России»<sup>8</sup>. В этот же период упоминание «гибридных методов войны» начинает появляться в лексиконе официальных лиц стран Западной Европы. Так, этот термин был употреблен министром иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайером в правительственном отчете о состоянии дел в сфере контроля над вооружениями [Steinmeier 2014].

Поворотным моментом в продвижении дискурса о «гибридной войне» на международном уровне стало размещение на сайте «Вестника НАТО» 1 июля 2014 г. двух видеоматериалов по данной тематике, представленных как собрание высказываний независимых экспертов, однако повторяющие тезисы, уже озвученные ранее «независимыми аналитиками». В одном из них<sup>9</sup> утверждалось, что уже кризисы в Эстонии 2007 г. и Грузии 2008 г. указывали на

---

<sup>7</sup> Лазарева А. Андрей Илларионов: Агрессия против Украины неизбежно завершится изменением границ России // Иносми.ру. 06.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/sngbaltia/20140606/220837475.html> (дата обращения 1 июля 2020).

<sup>8</sup> Hybrid Warfare and Russia's New 'Great Game' // Radio Free Europe / Radio Liberty. 27.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rferl.org/a/podcast-hybrid-warfare-and-russias-new-great-game-russia-ukraine/25437993.html> (дата обращения 1 июля 2020).

<sup>9</sup> Россия, Украина и Крым: предсказуемый кризис? // Вестник НАТО. 01.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-Ukraine-Nato-crisis/Russia-Ukraine-Crimea-crisis/RU/index.htm> (дата обращения 1 июля 2020).

агрессивные планы России в отношении Крыма, в другом<sup>10</sup> – что Россия навязывает свою волю, аннексирует территории, переигрывает НАТО, ведет информационную войну с помощью канала Russia Today, комбинировает медленное и быстрое продвижение и не собирается ограничиваться Украиной. Проанализировав содержание видеоматериалов с помощью методов символического конструктивизма и дискурсивного анализа, российская исследовательница А.М. Сосновская показала, что они носили тенденциозный и пропагандистский характер и были направлены на то, чтобы внушить аудитории страх перед «гибридной угрозой» со стороны РФ [Сосновская 2016].

Неделю спустя, 8 июля 2014 г., генеральный секретарь НАТО А. Фог Расмуссен, выступая перед журналистами после встречи с президентом США Б. Обамой, заявил, что Россия ведет против Украины «гибридную войну», сочетая прямые военные действия, скрытые операции и агрессивную программу дезинформации в расчете на то, чтобы ослабить новое украинское правительство и сохранить под своим контролем восточную часть страны<sup>11</sup>.

Подобные подготовительные действия создали нужную почву накануне саммита НАТО в Уэльсе 3–4 сентября 2014 г. В п. 13 принятой на этом саммите декларации говорилось:

Мы сделаем так, чтобы НАТО была способна эффективно преодолевать конкретные вызовы, возникающие в связи с угрозами гибридной войны, при ведении которой применяется широкий ряд тесно взаимосвязанных открытых и скрытых военных, военизированных и гражданских мер. Принципиально важно, чтобы у Североатлантического союза были инструменты и процедуры, необходимые для эффективного сдерживания угроз гибридной войны и реагирования на них, а также потенциалы для усиления войск (сил) государств. <...> Мы приветствуем создание в Латвии аккредитованного НАТО Центра передового опыта по стратегическим коммуникациям, который является значительным вкладом в усилия НАТО в данной области. Мы поручили вести обзор работы по гибридной войне, наряду с осуществлением Плана действий по обеспечению готовности<sup>12</sup>.

---

<sup>10</sup> Гибридная война – гибридная ответная реакция // Вестник НАТО. 01.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-Ukraine-Nato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/RU/index.htm> (дата обращения 1 июля 2020).

<sup>11</sup> Landler M., Gordon M. NATO Chief Warns of Duplicity by Putin on Ukraine // The New York Times. 08.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.nytimes.com/2014/07/09/world/europe/nato-chief-warns-of-duplicity-by-putin-on-ukraine.html?\\_r=0](https://www.nytimes.com/2014/07/09/world/europe/nato-chief-warns-of-duplicity-by-putin-on-ukraine.html?_r=0) (дата обращения 1 июля 2020).

<sup>12</sup> Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе, 4–5 сентября 2014 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.nato.int/cps/en/natohq/official\\_texts\\_112964.htm?selectedLocale=ru](https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru) (дата обращения 1 июля 2020).

Как можно увидеть, в декларации НАТО уже не только констатировался факт наличия «гибридных угроз», но также фиксировались политические обязательства Альянса по борьбе с ним, и устанавливался институциональный механизм, призванный выполнять базовые функции в этой сфере.

С этого момента тема гибридной войны плотно заполняет весь спектр появляющихся на Западе текстов, от публицистики и официальных документов до академических исследований, все чаще приобретая черты откровенной пропаганды. Дальнейшее развитие данного дискурса происходило в двух ключевых направлениях: во-первых, утверждения «гибридной войны» как общей базовой характеристики состояния отношений с Россией в западном информационном пространстве и, во-вторых, разработки конкретных мер и механизмов для противодействия «российской гибридной угрозе» на всех уровнях политической системы Европейского союза.

### *Заключение*

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать такие выводы:

1. Дискурс о «гибридной войне» РФ против Запада был сформулирован весной 2014 г. для подкрепления и теоретического обоснования украинского нарратива о «российской агрессии на Украине», а также консолидации западного сообщества вокруг идеи помощи новому украинскому руководству в отражении этой агрессии и предотвращения выработки какого-либо компромиссного варианта урегулирования кризиса между Западом и Россией.

2. На начальной стадии основную роль в утверждении этого дискурса сыграли представители аналитических структур стран Балтии, Польши, Великобритании, Украины, «запустивших» термин «гибридная война» в публичное пространство, где его довольно быстро переняли политические деятели и официальные лица этих стран.

3. Североатлантический альянс выступил в роли главной движущей силы в процессе формализации и институционализации дискурса о «гибридной войне» летом 2014 г. Инициировав обсуждение этой темы сначала на Парламентской ассамблее НАТО, затем выпустив серию агитационных материалов и, наконец, включив соответствующий пункт в итоговую декларацию саммита в Уэльсе, Альянс не только ввел данный термин в международно-политический оборот, но и наложил на своих членов базовые политические обязательства по совместному противодействию «гибридным угрозам».

4. В концептуальном отношении дискурс о «гибридной войне», объединяя в единое целое конвенциональные, иррегулярные и информационные средства ведения войны, способствовал «этизации» нетрадиционных угроз безопасности и «милитаризации» «мягкой силы» как инструмента, способного вызвать коллапс государственности. Итогом подобной интерпретации категории «гибридной войны» стало множественное расширение оперативного-стратегического поля конфликтных действий, включающее расширение круга реальных или потенциальных участников конфликта, расширение сфер и театров оперативных действий и расширение диапазона допустимых к применению средств поражения противника.

5. При этом данный дискурс основывался на ряде искусственно сконструированных (или откровенно сфабрикованных) представлений о внешней политике России, доказывающих наличие у ее лидеров агрессивных замыслов в отношении Запада задолго до украинского кризиса, прежде всего, пресловутой «доктрине Герасимова».

### Литература

- Арчаков, Пунченко, Ременчик 2017 – *Арчаков В.Ю., Пунченко В.Н., Ременчик В.Е.* Информационный фактор в гибридных войнах // Геополитика и безопасность. 2017. № 2 (38). С. 16–27.
- Белозеров, Соловьев 2015 – *Белозеров В.К., Соловьев А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2015/2015\\_9/Belozerov.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2015/2015_9/Belozerov.pdf) (дата обращения 1 июля 2020).
- Герасимов 2013 – *Герасимов В.* Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий // Военно-промышленный курьер. 26.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения 1 июля 2020).
- Порывкин 2017 – *Порывкин В.Н.* Классическая, «гибридная» и «холодная» война как понятия в мировой политике // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-7. С. 85–89.
- Сазонова 2017 – *Сазонова К.Л.* «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 177–187.
- Сосновская 2016 – *Сосновская А.М.* Идеология и массовые коммуникации: гибридная война на Украине // Научные труды СЗИУ – филиала РАНХиГС. 2016. Т. 7. Вып. 3 (25). С. 134–142.
- Трапезникова, Батурич 2017 – *Трапезникова Ю.В., Батурич Л.М.* Гибридная война как инструмент достижения мирового господства // ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО. Комплексные проблемы современной политики. 2017. № 1–2. С. 43–57 [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.susu.ru/sociopolit/wp-content/uploads/sites/19/2018/07/%D0%9F%D0%92-PRO-2017-%E2%84%96-1-2.pdf> (дата обращения 1 июля 2020).

- Цыганков 2015 – *Цыганков П.А.* «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 253–258.
- Чекинов, Богданов 2013 – *Чекинов С.Г., Богданов С.А.* О характере и содержании войны нового поколения // Военная мысль. 2013. № 10. С. 13–24.
- Bērziņš 2014 – *Bērziņš J.* Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy // National Defence Academy of Latvia Center for Security and Strategic Research Policy Paper. April 2014. № 02. 15 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://sldinfo.com/wp-content/uploads/2014/05/New-Generation-Warfare.pdf> (дата обращения 1 июля 2020).
- Darczewska 2014 – *Darczewska J.* The Anatomy of Russian Information Warfare The Crimean Operation. A Case Study // OSW Point of View. 2014. No. 42. 37 p. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the\\_anatomy\\_of\\_russian\\_information\\_warfare.pdf](https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy_of_russian_information_warfare.pdf) (дата обращения 1 июля 2020).
- Dayspring 2016 – *Dayspring S.M.* Countering Russian Hybrid Warfare: Acknowledging the Character of Modern Conflict // CTX. 2016. Vol. 6. №. 4. Special Issue 'Countering Hybrid Warfare: the Best Uses of SOF in a Pre-Article V Scenario'. P. 20–30 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.ffi.no/no/Publikasjoner/Documents/CTX\\_Countering%20Hybrid%20Warfare.%20The%20best%20use%20of%20SOF%20in%20a%20pre-article%20V%20Scenario.pdf](https://www.ffi.no/no/Publikasjoner/Documents/CTX_Countering%20Hybrid%20Warfare.%20The%20best%20use%20of%20SOF%20in%20a%20pre-article%20V%20Scenario.pdf) (дата обращения 1 июля 2020).
- Fridman 2018 – *Fridman O.* Russian “Hybrid Warfare”: Resurgence and Politicization. Oxford: Oxford University Press, 2018. 227 p.
- Kofman, Rojansky 2015 – *Kofman M., Rojansky M.* A Closer look at Russia’s “Hybrid War” // Kennan Cable. April 2015. №. 7. 8 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/7-KENNAN%20CABLE-ROJANSKY%20KOFMAN.pdf> (дата обращения 1 июля 2020).
- Limonier, Gérard 2017 – *Limonier K., Gérard C.* Guerre hybride russe dans le cyberspace // Hérodote. 2017. № 166–167. P. 145–163.
- Steinmeier 2014 – *Steinmeier F.-W.* Grußwort des Bundesministers des Auswärtigen // Jahresabrüstungsbericht 2014. Bilanz und Perspektiven. Berlin, 2014. S. 4–6 [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.org/67904000-Jahresabruestungsbericht-bilanz-und-perspektiven.html> (дата обращения 1 июля 2020).

## References

---

- Archakov, V.Yu., Punchenko, V.N. and Remenchik, V.E. (2017), “Information factor in hybrid wars”, *Geopolitika i bezopasnost*, no. 2 (38), pp. 16-27.
- Belozеров, V.K. and Solov'ev, A.V. (2015), “Hybrid war in Russian political and academic discourse”, *Vlast'*, no. 9, pp. 5–11, available at: [http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2015/2015\\_9/Belozerov.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2015/2015_9/Belozerov.pdf) (Accessed 1 July 2020).
- Bērziņš, J. (2014), “Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy”, *National Defence Academy of Latvia Center for Security and Strategic Research Policy Paper*, April, no. 2, 15 p., available at: <https://sldinfo.com/wp-content/uploads/2014/05/New-Generation-Warfare.pdf> (Accessed 1 July 2020).
- Chekinov, S.G. and Bogdanov, S.A. (2013), “On the nature and contents of the new generation warfare”, *Voenmaya mysl'*, no. 10, pp. 13-24.
- Darczewska, J. (2014), “The Anatomy of Russian Information Warfare. The Crimean Operation. A Case Study”, *OSW Point of View*, no. 42, 37 p., available at: [https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the\\_anatomy\\_of\\_russian\\_information\\_warfare.pdf](https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy_of_russian_information_warfare.pdf)

- www.osw.waw.pl/sites/default/files/the\_anatomy\_of\_russian\_information\_warfare.pdf (Accessed 1 July 2020).
- Dayspring, S.M. (2016), "Countering Russian Hybrid Warfare: Acknowledging the Character of Modern Conflict, *CTX*, vol. 6, no. 4, Special Issue 'Countering Hybrid Warfare: the Best Uses of SOF in a Pre-Article V Scenario', pp. 20–30, available at: [https://www.ffi.no/no/Publikasjoner/Documents/CTX\\_Countering%20Hybrid%20Warfare.%20The%20best%20use%20of%20SOF%20in%20a%20pre-article%20V%20Scenario.pdf](https://www.ffi.no/no/Publikasjoner/Documents/CTX_Countering%20Hybrid%20Warfare.%20The%20best%20use%20of%20SOF%20in%20a%20pre-article%20V%20Scenario.pdf) (Accessed 1 July 2020).
- Fridman, O. (2018), *Russian "Hybrid Warfare": Resurgence and Politicization.*: Oxford University Press, Oxford.
- Gerasimov, V. (2013), "The value of science is in foreseeing. New challenges require revision of the forms and ways of waging war", *Voenno-promyshlennyi kur'er*. 26 February, available at: <http://www.vpk-news.ru/articles/14632> (Accessed 1 July 2020).
- Kofman, M. and Rojansky, M. (2015), "A Closer look at Russia's 'Hybrid War'", *Kenan Cable*, April, no. 7, available at: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/7-KENNAN%20CABLE-ROJANSKY%20KOFMAN.pdf> (Accessed July 2020).
- Limonier, K. and Gérard, C. (2017), "Guerre hybride russe dans le cyberspace", *Hérodote*, no. 166–167, pp. 145–163.
- Poryvkin, V.N. (2017), "Classic, 'hybrid' and 'cold' war as categories in the world politics", *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*, no. 2-7, pp. 85–89.
- Sazonova, K.L. (2017), "'Hybrid war'. An international legal dimension", *Law Journal of the Higher School of Economics*, no. 4, pp. 177–187.
- Sosnovskaya, A.M. (2016), "Ideology and mass communications: Hybrid war in Ukraine", *Nauchnye Trudy SZIU – filiala RANKh I GS* [Scientific works of North-West Institute of Management – branch of Presidential Academy of National Economy and Public Administration], vol. 7, Issue 3 (25), pp. 134–142.
- Steinmeier, F.-W. (2014), Grußwort des Bundesministers des Auswärtigen. *Jahresabrüstungsbericht 2014. Bilanz und Perspektiven*, Berlin, Germany, S. 4–6, available at: <http://docplayer.org/67904000-Jahresabruestungsbericht-bilanz-und-perspektiven.html> (Accessed 1 July 2020).
- Trapeznikova, Yu.V. and Baturin, L.M. (2017), "Hybrid war as a way of achieving world hegemony", *Politicheskii vektor – PRO. Kompleksnye problemy sovremennoi politiki*, no. 1-2, pp. 43–45, available at: <http://sites.susu.ru/sociopolit/wp-content/uploads/sites/19/2018/07/%D0%9F%D0%92-PRO-2017-%E2%84%96-1-2.pdf> (Accessed 1 July 2020).
- Tsygankov, P.A. (2015), "'Hybrid war': Political discourse and the international practice", *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 4, pp. 253–258.

### *Информация об авторе*

*Владимир С. Царик*, старший преподаватель, Международный юридический институт, Москва, Россия; 127427, Россия, Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4; [ussura-moskva@yandex.ru](mailto:ussura-moskva@yandex.ru)

### *Information about the author*

*Vladimir S. Tsarik*, senior lecturer, International Law Institute, Moscow, Russia; bld. 4, Kashenkin Lug Street, Moscow, Russia, 127427; [ussura-moskva@yandex.ru](mailto:ussura-moskva@yandex.ru)